

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-8-22

УДК

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аверьянов Антон Викторович

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
avaveryanov@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу исторической ретроспективы политического лидерства в контексте российского феномена власти, для которого характерен высокий уровень ее персонификации. Автором выделяется комплекс характеристик системы власти в России и архетипический образ лидера как народного вождя в массовом общественном сознании, восходящий к римской традиции патернализма. Рим как метафора державного величия прочно вошел в политическую культуру России и Запада. Показано, что наибольшим авторитетом в России пользовались именно формальные политические лидеры – вожди, главным образом правители, руководители государства. Выявляется «канонический» образ политического лидера, его характерные черты и особенности формирования. Отмечается, что особое место в народной памяти занимали российские правители, которые, с одной стороны, воспринимались как символ власти; с другой стороны, сепарировались от политической элиты и выступали как самостоятельный субъект властной вертикали. На исторических примерах показано, что устойчивость политической системы в России в различные исторические эпохи в значительной степени обуславливалась доверием масс к образу правителя, символизировавшему идею государственного служения и имевшего рычаги влияния на политические элиты.

Ключевые слова: политический лидер, власть, правитель, вождь, верховная власть, политическая элита, российская политическая культура, «служилое» государство.

Цитирование: Аверьянов А.В. Феномен власти и политического лидерства в России в историческом контексте // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 8–22.
DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-8-22 / Averyanov A.V. The Phenomenon of Power and Political Leadership in Russia in a Historical Context, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 3. Pp. 8–22. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-8-22.

© Аверьянов А.В., 2024

THE PHENOMENON OF POWER AND POLITICAL LEADERSHIP IN RUSSIA IN A HISTORICAL CONTEXT

Averyanov Anton V.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
avaveryanov@sfnedu.ru

Abstract. The article analyzes the historical retrospective of political leadership in the context of the Russian phenomenon of power, which is characterized by a high level of its personification. The author highlights a set of characteristics of the power system in Russia and the archetypal image of a leader as a national leader in the mass public consciousness, dating back to the Roman tradition of paternalism. Rome as a metaphor of imperial greatness has firmly entered the political culture of Russia and the West. It is shown that it was the formal political leaders, chieftains, mainly rulers and heads of state, who enjoyed the greatest authority in Russia. The “canonical” image of a political leader, its characteristic features and peculiarities of formation are revealed. It is noted that a special place in people’s memory was occupied by Russian rulers, who, on the one hand, were perceived as a symbol of power; on the other hand, they separated themselves from the political elite and acted as an independent subject of the power vertical. Historical examples show that the stability of the political system in Russia in various historical epochs was largely due to the trust of the masses in the image of the ruler, symbolizing the idea of public service and having levers of influence on political elites.

Keywords: political leader, government, ruler, leader, supreme power, political elite, Russian political culture, “serviceable” state.

В качестве литературной основы темы настоящего номера выбран роман австралийской писательницы Колин Маккалоу — «Первый человек в Риме» — из ее знаменитого эпического цикла «Владыки мира», охватывающего эпоху гражданских войн и превращения Римской республики в империю. Описывая восхождение к власти двух харизматиков-антагонистов, Суллы и Мария, автор детально и безупречно — как с исторической, так и с психологической точки зрения — исследует природу личности, находящейся у власти, и её репрезентацию в общественном пространстве. При этом Маккалоу показывает, что вне зависимости от того, каковы личные политические взгляды и моральные императивы того или иного вождя, итог будет один: личность политического вождя «растворяется» во власти и становится ее заложником. И в этой литературной (равно как и исторической) фабуле нам видится емкая метафора проблемы политического лидерства в отечественной и мировой истории.

Рим как политико-правовое пространство и символ державного величия стал основной для формирования идейно-политической системы на Западе и в России. Борьба за римское наследие, осознание себя в качестве исторического продолжения Рима: идея «Третьего Рима», Священная Римская империя, Капитолийский холм, римское право, город Святого Петра и его реинкарнация в Санкт-Петербурге — лишь самые известные примеры обращения к христианским сюжетам вечного города. В секулярную эпоху апелляция к римскому наследию приобрела иной оттенок, однако от этого стала не менее актуальной. Типичный пример — Великая французская революция с отсылками и прямыми параллелями к Римской республике и ранней империи с ее «гражданами», «консулами», «врагами народа», «фасциями» и прочими политическими атрибутами, которые в свою очередь были востребованы всеми последующими поколениями революционеров, в том числе большевиками, считавшими себя наследниками якобинцев. Символически в данной связи перенос столицы в 1918 г. обратно в Москву, которая стала столицей Третьего Интернационала — воплощением новой вселенской миссии Третьего Рима.

В свое время Н.А. Бердяев отмечал: «Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма» [Бердяев, 1990, с. 118].

А. Тойнби писал об историческом антагонизме и в то же время преемстве Петра I и Ленина, который, с одной стороны, возвратил столицу в древнюю Москву, и «в этом чувствуется дух пророка Святой Руси»; с другой стороны, «вынужден вооружить Россию для её борьбы с западом западным же оружием» — марксизмом, подобно тому как Петр использовал блага модернизации, то есть вестернизации для пользы России. «Начиная с 1917 г. мы видим, как марксизм на наших глазах превращается в эмоциональный и интеллектуальный суррогат православия с Марксом в качестве Моисея, Ленина — мессии, а собрания их сочинений — в Священное писание новой атеистической русской воинствующей церкви», — отмечал А. Тойнби [Cogito.

Альманах истории идей, 2006, с. 447]. Единство русской истории тем самым обуславливалось преемством политической и интеллектуальной традиции на разных этапах исторического развития, апеллирующей соответственно к ее римской матрице.

В основе любой политической идеи, равно как и политической системы, призванной ее реализовать, лежит концепт власти, подразумевающий подчинение и принуждение. Впервые сущность власти как навязывание своей воли другим с помощью насилия обосновал Н. Макиавелли, который в своих работах апеллировал к историческому опыту Рима и его патерналистской социально-политической традиции [Государь, 2021]. С тех пор многие популярные политические теории исходили из такого понимания власти, в котором государство выступало как аппарат насилия. Соответственно политика трактовалась как деятельность, направленная на захват и удержание власти, которая в свою очередь подразумевает подчинение одного субъекта другим (человека, сословия, класса, народа и др.). «Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции», — отмечал М. Вебер [Вебер, 1990, с. 651].

Однако власть и государство сами по себе абстрактны. Левиафан по определению не может внушать симпатии, у него должен быть презентабельный вид. Чаще всего эту роль играл вождь, народный лидер, тот, кого в современной науке называют политический лидер. Во всех культурах и во все времена именно политический лидер олицетворял саму власть, ее рациональное и трансцендентное измерение. У любой власти и политической системы должен быть свой антропоморфный образ, который будет понятен и доступен значительной части населения. Персонафикация власти — неотъемлемое и неизменное свойство власти с древнейших времен, которое вытекает из самой природы человека. Лидера нельзя рассматривать в отрыве от политической власти — он есть ее эманация, органическое продолжение, alter ego. Ж. Блондель отмечал: «Что же тогда есть политическое лидерство? По сути и по форме это есть феномен власти. Лидерство — это власть, потому что оно состоит в способности одного лица или нескольких лиц, находящихся “на вершине”, заставлять других делать то позитивное или негативное, что они не делали бы или, в конечном счете, могли бы не делать вообще» [Блондель, 1992, с. 9].

Однако если сущность и природа власти универсальна, то феномен политического лидерства в каждой культуре имеет свои особенности. В данном контексте актуальной представляется репрезентация образа лидера в публичном пространстве, в том числе в отечественной традиции, которая на протяжении длительного времени сохраняла архетипические черты. Современные опросы и проекты демонстрируют, что именно политические лидеры, прежде всего руководители государства, занимают первые строчки среди наиболее известных исторических деятелей России.

По итогам известного проекта «Имя России», реализованного в 2008 г., в число наиболее популярных исторических деятелей вошли Александр Невский, П.А. Столыпин, И.В. Сталин, Петр I Великий, Екатерина II Великая, Александр II Освободитель, Иван IV Грозный. Симптоматично, что из двенадцати фигур восемь были политическими деятелями, семь из которых – формальные главы государства, остальные – поэт (А.С. Пушкин), писатель (Ф.М. Достоевский), ученый (Д.И. Менделеев) и полководец (А.В. Суворов), представители других сфер общественной жизни [Запрос на величие, 2008].

Ядро наиболее популярных исторических деятелей в данном перечне сохраняется вплоть до сегодняшнего дня. По результатам опроса ВЦИОМ, проведенного в сентябре 2022 г. на тему «символы» России, респонденты указали в качестве таковых Петра I, А.С. Пушкина, И.В. Сталина, М.В. Ломоносова, В.И. Ленина, далее с большим отрывом – Екатерину II, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, П.И. Чайковского, А.В. Суворова, Г.К. Жукова [Герои России...]. Обращает внимание, что «политические» символы по популярности по-прежнему опережают «культурные» и даже «военные».

Для сравнения, по итогам радио- и телевизионного проекта в Великобритании – «100 величайших британцев» («100 Greatest Britons») в первой двадцатке оказалось всего 4 политика – У. Черчилль, Елизавета I, О. Кромвель и М. Тетчер. Остальные – были учеными, писателями, поэтами, музыкантами, мореплавателями, спортсменами и т.д. [The 100 greatest Britons...]

Обращает внимание, что среди российских «политиков» подавляющая часть – главы государств – цари, императоры, секретари ЦК ВКП(б) и генсеки, которые обладали реальной властью и гораздо меньше представителей «бюрократии», тогда как у британцев значительной популярностью пользуются именно главы правительств. Указанные особенности вытекают из различия политических систем в двух странах – традиционно сильной центральной власти в России и развитых представительских начал в Великобритании. Однако, вряд ли, на наш взгляд, единодержавие воспринимается в народном сознании как абсолютная ценность. Причины здесь, с одной стороны, гораздо глубже, а, с другой стороны, значительно шире. В дореволюционный период почитание царя (именно царя, императора, то есть персонифицированной власти, ее символа) объяснялось монархическим сознанием русского народа, который по своей природе «монархист». О великой миссии русского народа писал Ф.М. Достоевский [Достоевский, 1994, с. 221], о монархической и православной сути русского мужика утверждал К.П. Победоносцев [Победоносцев, 1896, с. 138, 224]. Д.А. Хомяков считал, что русский народ, «живущий верой и бытом, твердо стоит на принципе самодержавия, то есть устранения от политиканства, в котором видит лишь необходимое зло, которое возлагает как бремя на избранное и жертвующее собою для общего блага лицо – Государя, за что и воздает ему честь и любовь» [Хомяков, 1903, с. 33]. Один из идеологов русской монархии Н.И. Черняев, развивая славянофильские идеи, констатировал: «Русский народ – монархист

¹ Развивая идею о «народе-богоносце».

до мозга костей своих и уже давно усвоил себе монархические убеждения, забыв удельно-вечевые порядки и удельно-вечевую свободу, сплошь и рядом переходившую в бестолочь и анархию. Побеседуйте с русским крестьянином о государственном устройстве России и других земель, и вы убедитесь, что он чтит только самодержавие и иного режима не хочет» [Черняев, 2011, с. 161].

Однако тогдашние мыслители вряд ли могли оперировать другими категориями, исходя из того, что никакой другой формы правления, кроме монархической, в России на тот момент не существовало. Почитание первых лиц Советского государства — прежде всего В.И. Ленина и И.В. Сталина (ныне популярностью пользуется и Л.И. Брежнев как символ эпохи «стабильности»), зачастую объясняется тем же неизжитым монархическим сознанием. Мы полагаем, что подобный взгляд — лишь вершина айсберга русской политической традиции, не причина, а скорее следствие специфического понимания власти в России, сущность которой оставалась неизменной на протяжении столетий.

По мнению авторов концепции «русской власти» А.И. Фурсова и Ю.С. Пивоварова, одноименный феномен является матрицей не только российской политической культуры, но и российской цивилизации в целом [Пивоваров, Фурсов, 2001, с. 37]. Власть в России в дореволюционный (самодержавие) и советский периоды имела «надзаконный» характер. Писанные нормы не являлись абсолютной ценностью и могли меняться в зависимости от тех обстоятельств, в которых находилось Российское государство. Причем, данный феномен наиболее ярко проявлял себя в переходные этапы русской истории, классическим примером чего являлся период опричнины и режим чрезвычайки годы революции и Гражданской войны. Государство как институт, способный «стянуть» воедино многоукладное российское общество, являлось высшей ценностью и приоритетом для российской, «русской власти», что признавали многие мыслители, в том числе либерального направления. Идею государства как основного двигателя и творца истории, разделял Б.Н. Чичерин, считавший, что модернизацию России должно было осуществить самодержавие, превращающееся в конституционную монархию [Российский политический процесс..., 2006, с. 41]. Весьма образно неупорядоченную социальную энергию охарактеризовал А.П. Чехов, записавший в своем дневнике, что Россия — громадная равнина, по которой носится лихой человек [Чехов, 1987, с. 93]. Для того, чтобы укротить «лихого человека» была необходима государственная узда, преобразующая социальный хаос в космос.

Аллюзия на феномен «русской власти», на наш взгляд, выражена в формуле, приписываемой В.В. Болотову — канонично то, что полезно для Церкви. Схожий принцип исторически был применим к светской власти в контексте ее главной задачи — государственной пользы, которая стояла выше нормативных условностей. Воля государя или принцип революционной законности — следствие «надзаконного» характера власти, руководствовавшейся высшей целью, в жертву которой можно было принести определенные условности. Однако, каким образом объясняется сохраняющаяся в российской политической традиции высокий уровень популярности

весьма сложных и противоречивых фигур, с которыми ассоциируются крутые перемены в обществе, неразрывно связанные с масштабными потрясениями и социальными катастрофами?

О.В. Крыштановская выделяет два типа общества – экономические и политические. Для первых доминирующим фактором социального развития – модернизации, является экономика. Классы вычлняются по их отношению к собственности, а власть формируется правящим классом собственников. Для вторых характерно доминирование политики над экономикой, в этих обществах власть приносит богатство и формирует экономику, а класс собственников зависим от государства. По мнению Крыштановской, «Россия – пример общества, которое, подобно маятнику, колеблется между этими двумя путями развития цивилизации» [Крыштановская, 2005, с. 372]. От этого зависит тип политической элиты, которая формируется в зависимости от конкретных исторических условий.

Подобную двойственность природы российского общества отмечает О.В. Гаман-Голутвина, которая выводит структуру власти в России через формирование ее политических элит, «заточенных» на решение конкретных исторических задач, имевших экзистенциальный характер. Верховная власть в лице главы государства и его ближайшего окружения создавала элиту, которая несла тяжелое бремя государственной службы. Пример такой мобилизационной модели элитобразования Гаман-Голутвина противопоставляет элите инновационного типа, характерной для западной политической системы, где экономика довлеет над политикой, а не наоборот [Гаман-Голутвина, 2006, с. 50]. Яркими примерами мобилизационной элиты в русской истории выступает служилое дворянство петровской эпохи, хотя экономические и социальные предпосылки для ее формирования, закладывались еще в XVI–XVII вв.; а также советская номенклатура, сформировавшаяся в 1920–1930-е гг. При всей кажущейся разнице в основе этих двух типов элит лежал ««служебный» принцип рекрутирования элиты» – обязанность службы за привилегии, имевшими условный и временный характер, ограничивавшийся сроком службы [Гаман-Голутвина, 2006, с. 389].

В сложившейся трехсоставной структуре власти: верховная власть – политическая элита – народ, первая играла роль «ограничителя» и «балансирующего», ограждавшего массы от appetites элит и следившего за уровнем ее потребления. Вера крестьян в «доброту царя», поиск высшей справедливости в лице советских вождей во многом объяснялась ролью верховной власти как главного социального арбитра. Система «служилого государства» сохраняла относительную устойчивость в те исторические периоды, когда широкие массы населения были готовы выполнять государственные повинности, осознавая, что в свою очередь не менее тяжелую «государеву службу» несли представители элиты. При Петре I дворянская служба носила тотальный и пожизненный характер; данный импульс при его постепенном ослаблении в постпетровские времена еще длительное время сохранял относительную устойчивость системы. Аналогичные процессы протекали в советский период: их пик пришелся на 1930–1940-е гг., когда на партийную и советскую

номенклатуру легла наибольшая нагрузка в условиях коллективизации, индустриализации и Великой Отечественной войны.

Негласный «общественный договор» между верховной властью и народом о его лояльности в обмен на контроль элиты со стороны первой во многом были гарантией консолидации общества, внутреннего социального мира, а также популярности правителя. Напротив, его нарушение, зачастую вело к разбалансировке социальной системы, нарастанию внутренних противоречий, росту недоверия к власти и глубокому кризису всего государственного механизма, в крайней форме заканчивавшемуся масштабной катастрофой, например, в 1917 г. или в 1991 г.

В рамках феномена «русской власти» ключевую роль играл политический лидер — чаще всего глава государства, который олицетворял собой всю верховную власть. Ее крайне персонифицированный характер приводил к тому, что каждый новый лидер как бы заключал этот негласный «общественный договор» с элитой и народом заново, демонстрируя стремление сохранить все лучшее, что было до него (принцип «Теперь все будет как при бабушке» или «Сталин как продолжатель дела Ленина»), либо предлагая новую модель развития, порывая с прежней (принцип: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем, мы наш мы новый мир построим...») или осуждение культа личности на XX съезде КПСС).

Чаще всего симпатии масс были на стороне того лидера, кто исполнял роль ограничителя всевластия элиты и заставлял ее служить государственным интересам. С таковыми как раз и ассоциировались правители Иван Грозный, Петр Первый, Ленин или Сталин. В русской традиции категории «политический» и «государственный» как правило совпадали, так как правитель олицетворял собой само государство как высшую форму организации общества. Одна из версий обращения Петра I перед Полтавской битвой к солдатам: «Итак, не должны бы вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное...» [Полтавская речь Петра...], довольно точно иллюстрирует привязку формального политического лидерства к государству, могущество которого должно было ассоциироваться с народным благом.

Именно формальный лидер в лице условного самодержца или секретаря (генсека) партии имел непосредственный доступ к рычагам государственного механизма принуждения. Тем самым именно статус лидера во многом определял его настоящее положение во всей пирамиде власти. Нежелание В.И. Ленина занимать какую-либо высшую должность в аппарате партии (формально он был одним из секретарей ЦК) компенсировалось его статусом главы совнаркома. Впоследствии И.В. Сталин «исправил» данную ситуацию — должность генерального секретаря стала ассоциироваться с руководителем партии и по мере закрепления ее всеилия — всего государства, то есть олицетворением верховной власти в народном сознании.

Совмещение ролей политического и государственного лидера в России обусловило выработку его канонического образа. В массовом сознании он ассоциировался прежде всего как заступник, защитник перед внешними и внутренними врагами,

высшая инстанция справедливости, выразитель народных интересов и надежд. Концепция Ивана Грозного, не допускавшего никаких посредников между верховной властью и Богом, закрепляла за царем статус самодержца – высшей формы власти и одновременно ответственности за все происходящее в государстве, которое мыслилось как семья (малая церковь) с традиционной иерархией: отец (Христос) и его чада. В.Б. Кобрин заключает: «Самодержавную власть Грозный считал единственно возможной формой правления. С презрением пишет он о тех «безбожных» государях, которые «царствию своими не владеют, како им повелят работные их, так и владеют». Вспомним, что и английскую королеву Елизавету он порицал за некоторую ограниченность ее власти: «...у тебя мимо тебя люди владеют» [Кобрин, 1989, с. 120–121].

Нарушение «канонической» системы отношений между властью и народом могло повлечь за собой негласное расторжение «общественного договора»: в некоторых случаях неудовлетворенные народные чаяния сменялись открытой ненавистью к власти и ее персонифицирующему началу. Чем больше надежд возлагалось на того или иного правителя, тем сильнее могло быть в нем разочарования. Распад политической системы не всегда являлся результатом открытых вооруженных выступлений, в большей степени даже следствием социальной апатии. Отречение Николая II в марте 1917 г. было воспринято подавляющим большинством населения с нескрываемым удовлетворением или равнодушно. Выражение В. Розанова «Русь слиняла в два дня» можно охарактеризовать как следствие такого разочарования в верховной власти в лице царя, которое было присуще всем слоям общества в тот момент.

Запрос на нового лидера породил завышенные ожидания, воплотившиеся в фигуре А.Ф. Керенского, популярность и политический триумф которого всего за несколько месяцев прошли полный цикл: от зарождения и расцвета до своего упадка и разочарования к фигуре министра-председателя. Б.И. Колоницкий обращает внимание на то, что после Февраля 1917 г. в стране сформировался «культ личности» Керенского, который символизировал надежды на перемены к лучшему. Несмотря на антимонархический характер революции и ее демократический флер, фигура Керенского была очень популярна и стала предметом всеобщего обожания не только среди солдатской массы, но и горожан, в том числе столичной интеллигенции: «...сама потребность в сильном политическом вожде сомнению не подвергалась: под вопрос ставилась легитимность претензий кандидата на роль вождя, но не принципы легитимации через прославление вождя» [Колоницкий, 2023, с. 330]. Б.И. Колоницкий также подчеркивает, что «опыт культурного творчества весны – лета 1917 года имел необычайное значение для последующей эпохи. Многие культурные формы прославления «вождя народа», найденные в этот период, впоследствии были взяты на вооружение, переработаны и развиты большевиками» [Колоницкий, 2023, с. 329].

Немецкий исследователь Я. Плампер относит зачатки зарождения национального феномена культа личности в Европе к Наполеону III, а в России к Александру III и Николаю II, что расценивалось в качестве «современного» образа правителя,

способ его популяризации в общественном сознании, как признак близости с народом [Плампер, 2010, с. 24–27]. Изображения императоров – от портретов в государственных учреждениях до открыток и фотокарточек, стали неотъемлемым элементом массовой культуры. В конечном итоге в рамках советской политической традиции пришлось унаследовать многие элементы не только революционного, но и царского механизма репрезентации образа политического лидера. «Традиция царского культа, сама по себе входившая составной частью в общеевропейский контекст монархических культов, стала тяжелой обузой для большевиков, как бы сильно те ни пытались от нее дистанцироваться. Совокупность тех конкретных способов, которыми большевики обращались к этой традиции, можно называть «наследием царизма»» [Плампер, 2010, с. 28].

По мере вовлечения в политические процессы широких масс населения, что стало свершившимся фактом в XX веке в России, популярность того или иного лидера определялась его умением уловить народные настроения и «оседлать» волну социальных ожиданий в контексте личных или партийных интересов. Бенджамин Дизраэли отмечал: «Мы живем в эпоху осмотрительности: теперь уже вожди следуют за народом». Рост популярности большевиков в 1917 г. был обусловлен тем, что они декларировали лозунги, которые в основной своей массе разделяла большая часть населения – крестьяне, рабочие и солдаты. Победа большевистской партии в Гражданской войне теперь уже и зарубежными исследователями расценивается не как историческая случайность, а как определенная историческая закономерность [Абрамович, 1989]. Ленин понимал, насколько важен политический образ лидера в конкретной исторической ситуации, сменив респектабельный буржуазный котелок на рабочую кепку. В век народной стихии было важно стать «своим» в глазах той части населения, на которую делалась ставка в политической борьбе. В конечном итоге, большевистские лидеры стали заложниками, с одной стороны, русской политической традиции с ее высоким уровнем персонификации власти; с другой стороны, духа времени и тотализации общественного сознания.

Формирование и развитие архетипа государственного лидера в России в целом имеет определенную закономерность и историческую преемственность. Одним из первых, кто сформулировал образ идеального правителя на Руси стал митрополит Иларион, который считал князя Владимира – «нашего учителя и наставника, великого князя земли нашей Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, которые во времена своего владычества мужеством и храбростью прослыли в странах многих и ныне победами и силою поминаются и прославляются» – просветителем русской земли [Слово о законе и благодати...]. Личностный фактор в системе власти доминировал в русской исторической «государственнической» школе В.Н. Татищева и М.Н. Карамзина.

Лидер как «отец народа», преемник и продолжатель дел своих благочестивых предков, подвижник, наделенный определенными качествами-добродетелями – «самый человечный человек», в народном сознании являлся соратником, исполнителем общей воли, ее олицетворением. Великий князь или царь на литургии в монастыре

или на крестном ходе, Ленин с бревном на субботнике, Ельцин в троллейбусе — символы-образы, своеобразные «места исторической памяти» в народном сознании.

Институт исторического преемства — ключевой элемент российской политической культуры, «русской власти». Легитимация актуальных политических практик действиями своих предшественников — использование исторических сюжетов в контексте текущей политической повестки — определяли устойчивость позиций лидера. Перенос мощей Александра Невского Петром I из Владимира в Санкт-Петербург в 1723 г. символизировал историческое преемство столицы новой России, борьбу императора со шведами, защиту русской земли от внешнего врага. Фигура Петра Великого стала важнейшим фактором легитимности последующих российских правителей вплоть до начала XX века. Его переосмысление и актуализация активно использовалась советскими лидерами. Канонические образы Александра Невского, Ивана Грозного, Петра I в советской культуре во многом сформулировали представление и стереотипы о них в современном массовом сознании. Институт преемства был также основополагающей составляющей в советской политической практике. Борьба за право быть ленинским идейным и партийным наследником выражалась в различных нюансах: от права представлять отчетный доклад на партийном съезде до порядка расположения фамилий и портретных фотографий в газетных передовицах.

Условный «лидер-матрица» был отправной точкой той системы, которая сформировалась при нем и с ним же ассоциировалась. В постпетровской России практически все последующие правители декларировали свою идейную лояльность фигуре Петра, а борьба за власть в эпоху дворцовых переворотов и легитимность того или иного правителя определялись правом считаться преемником и последователем первого российского императора. Классическим сюжетом служит стремление Екатерины II ассоциировать себя с Петром, не будучи его кровной родственницей. Памятник Петру — «Медный всадник» с подписью: «Петру Первому — Екатерина Вторая», стремление связать внутреннюю и внешнюю политику России с петровскими инициативами. Наконец, прозвище «Великая» по аналогии с создателем Российской империи — символистические акты, имевшие целью легитимации права на престол.

Аналогичной фигурой для советской системы стал Ленин, образ которого начал складываться еще при его жизни, но окончательно сформировался уже после смерти, являясь результатом целенаправленной государственной политики. Любой партийный лидер был вынужден соотносить свою политику с теоретическими установками и практическими действиями основателя Советского государства. Легитимация любой важной государственной инициативы определялась апелляцией главным образом к ленинскому опыту: от политики мирного сосуществования при Н.С. Хрущеве до экономических реформ периода перестройки М.С. Горбачева как аналога НЭПа.

Канонические версии биографий политических лидеров и вождей российской истории во многом обуславливали представления о них не только и даже не

столько у современников, сколько у их потомков. Насколько отдельные сюжеты в них соответствовали реальности — объект научных изысканий профессиональных историков, однако то, что их форма и структура имеет схожую логику свидетельствует о некоем историческом преемстве политической традиции в той ее части как должен выглядеть «идеальный» политический лидер во все времена. Ключевые элементы жизнеописания правителя на примере князя Владимира были даны митрополитом Иларионом, которые в той или иной степени с поправкой на исторический период присутствовали во всех официальных биографиях ключевых политических деятелей вплоть до XX века включительно. В них неизменно упоминается благочестивая семья и предки, отмечаются не только профессиональные и деловые, но и высокие нравственные качества, указывается на великую миссию, которую осуществил политический деятель, и его идейные предшественники, что символизировало историческое преемство, а также на глобальное значение данной миссии для православия, государства, народа или всего человечества.

Советская традиция политических жизнеописаний в целом соответствовала этому канону. Официальную биографию В.И. Ленина, изданную в 1960 г., где имеются все вышеуказанные ее составные части завершают следующие слова, полностью укладывающиеся в российскую традицию репрезентации политического лидера: «Жизнь и деятельность В.И. Ленина является выдающимся образцом самоотверженного служения человечеству... В истории человечества высится гигантская фигура Ленина как величайшего из людей нашей эпохи, указавшего всем народам путь к подлинной свободе и счастью... Идеи Ленина бессмертны... Имя Ленина, его дела и учение будут жить в веках и тысячелетиях. Знамя Ленина непобедимо!» [Владимир Ильич Ленин..., с. 602].

Таким образом, исторический феномен политического лидерства в России, восходящий к римской традиции патернализма, тесно переплетался с образом правителя, одновременно вождя и государственного деятеля, являвшегося в исторической ретроспективе неотъемлемой частью всей системы власти. В то же время политический лидер занимал в ней особое место, в массовом сознании как бы отделяясь и возвышаясь над правящим классом, политической элитой. Сепарация вождя от политического официоза, символическая связка между правителем и народом, институт доверия к лидеру, а также его субъектность по отношению к политической элите — возможность ее контроля и ограничения, представляется важнейшим элементом российской конфигурации власти, ведущей свое первородство от Рима через Константинополь к Киеву, Москве и Санкт-Петербургу. Популярность лидера обуславливалась способностью нивелировать трения между элитой и внеэлитными слоями. Система власти в России как «служилого государства» имела комплекс сдержек и противовесов, включавшей в себя формальные и неформальные политические практики, объединенные ее «надзаконным» характером. Политический лидер символизировал государственное служение как высший смысл социальной активности, что наглядно проявлялось в переломные исторические эпохи, в том числе в имперский и советский периоды.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абрамович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде. М.: Прогресс, 1989. 416 с.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955. М.: Наука, 1990. 224 с.

Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М.: Б.и., 1992. 135 с.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Владимир Ильич Ленин: Биография. М.: Госполитиздат, 1960. 609 с.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.

Герои России: вчера и сегодня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-rossii-vchera-i-segodnja> (дата обращения – 20 июля 2024 г.)

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876. Июль и август. Глава первая. II. Нечто о петербургском баден-баденстве // *Собрание сочинений в 15 томах.* Т. 13. СПб.: Наука, 1994. С. 219–221.

Запрос на величие. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2008/12/29_a_2919791.shtml (дата обращения – 20 июля 2024 г.)

Кобрин В.Б. Иван Грозный. М.: Московский рабочий, 1989. 175 с.

Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.

Микиавелли Никколо. Государь. М.: ЭКСМО, 2021. 160 с.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // *Полис. Политические исследования.* 2001. № 4. С. 37. URL: https://www.is-gas.ru/index.php?page_id=2624&jid=2925&jp=polis (дата обращения – 20 июля 2024 г.)

Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 496 с.

Победоносцев К.П. Московский сборник. М.: Синодальная типография, 1896. 304 с.

Полтавская речь Петра I: правда и вымысел. URL: <https://www.prlib.ru/news/1340877> (дата обращения – 20 июля 2024 г.)

Российский политический процесс XX–нач. XXI вв.: власть, партии, оппозиция: учеб. пособ. Отв. ред. С.М. Смагина. Ростов н/Д: Логос, 2006. 498 с.

Слово о законе и благодати. Подготовка текста и комментарии А.М. Молдована, перевод диакона Андрея Юрченко. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения – 20 июля 2024 г.)

Хомяков Д.А. Самодержавие. (Опыт схематичного построения этого понятия). М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1903. 58 с.

Черняев Н.И. Русское самодержавие. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 864 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 тт. Т. 17. М.: Наука, 1987. 531 с.

Cogito. Альманах истории идей. Ростов н/Д: Логос, 2006. 496 с.

The 100 greatest Britons: lots of pop, not so much circumstance. URL: <https://www.theguardian.com/media/2002/aug/22/britishidentityandsociety.television> (дата обращения – 20 июля 2024 г.)

REFERENCES

Abramovich A. *Bol'sheviki prikhodyat k vlasti. Revolyutsiya 1917 g. v Petrograde* [The Bolsheviks come to power. The Revolution of 1917 in Petrograd]. Moscow: Progress, 1989. 416 p. (in Russian).

Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian Communism]. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya YMCA-PRESS, 1955. Moscow: Nauka, 1990. 224 p. (in Russian).

Blondel' Zh. *Politicheskoe liderstvo: Put' k vseob"emlyushchemu analizu* [Political Leadership: The Path to Comprehensive analysis]. Moscow: without Publ., 1992. 135 p. (in Russian).

Veber M. *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a vocation and profession] // Veber M. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress, 1990. 808 p. (in Russian).

Vladimir Il'ich Lenin: *Biografiya* [Vladimir Ilyich Lenin: Biography]. Moscow: Gospolitizdat, 1960. 609 p. (in Russian).

Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie elity Rossii: Vekhi istoricheskoi evolyutsii* [Political elites of Russia: Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 446 p. (in Russian).

Geroi Rossii: vchera i segodnya [Heroes of Russia: yesterday and today]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-rossii-vchera-i-segodnja> (accessed 20 July 2024).

Dostoevskii F.M. *Dnevnik pisatelya. 1876. Iyul' i avgust. Glava pervaya. II. Nechto o peterburgskom baden-badenstve* [The diary of a writer. 1876. July and August. Chapter one. II. Something about St. Petersburg Baden-Baden] // *Sobranie sochinenii v 15 tomakh*. Vol. 13. St. Petersburg: Nauka, 1994. Pp. 219–221. (in Russian).

Zapros na velichie [A request for greatness]. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2008/12/29_a_2919791.shtml (accessed 20 July 2024).

Kobrin V.B. *Ivan Groznyi* [Ivan the Terrible]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1989. 175 p. (in Russian).

Kolonitskii B.I. «*Tovarishch Kerenskii*»: *antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta «vozhdya naroda» (mart – iyun' 1917 goda)* [“Comrade Kerensky”: the anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the “leader of the people” (March-June 1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 520 p. (in Russian).

Kryshchanovskaya O. *Anatomiya rossiiskoi elity* [The Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov, 2005. 384 p. (in Russian).

Mikiavelli Nikkolo. *Gosudar'* [The Prince]. Moscow: EKSMO, 2021. 160 p. (in Russian).

Pivovarov Yu.S., Fursov A.I. “*Russkaya Sistema*” kak *popytka ponimaniya russkoi istorii* [Russian Russian System as an Attempt to Understand Russian History], in *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2001. No. 4. P. 37. Available at: URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jid=2925&jn=polis (accessed 20 July 2024).

Plamper Ya. *Alkhimiya vlasti. Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [The alchemy of power. The Cult of Stalin in the visual arts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 496 p. (in Russian).

Pobedonostsev K.P. *Moskovskii sbornik* [Moscow collection]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1896. 304 p. (in Russian).

Poltavskaya rech' Petra I: pravda i vymysel [Peter I's Poltava Speech: truth and fiction]. Available at: <https://www.prlib.ru/news/1340877> (accessed 20 July 2024).

Rossiiskii politicheskii protsess XX–nach. XXI vv.: vlast', partii, oppozitsiya: ucheb. posob. [The Russian political process of the twentieth century. XXI century.: government, parties, opposition: study guide]. Ed. S.M. Smagina. Rostov on-Don: Logos, 2006. 498 p. (in Russian).

Slovo o zakone i blagodati. Podgotovka teksta i kommentarii A. M. Moldovana, perevod diakona Andrey Yurchenko [A word about law and grace. Text preparation and comments by A.M. Moldovan, translated by Deacon Andrey Yurchenko]. Available at: URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (accessed 20 July 2024).

Khomyakov D.A. *Samoderzhavie (Opyt skhematichnogo postroeniya etogo ponyatiya)* [The autocracy (Experience in the schematic construction of this concept)]. Moscow: I.N. Kushnerev i K°, 1903. 58 p. (in Russian).

Chernyaev N.I. *Russkoe samoderzhavie* [Russian Autocracy]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2011. 864 p. (in Russian).

Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 tt. Sochineniya v 18 tt. T. 17.* [The complete collection of writings and letters in 30 vols. Essays in 18 vols. Vol. 17]. Moscow: Nauka, 1987. 531 p. (in Russian).

Cogito. *Al'manakh istorii idei*: [The Almanac of the History of Ideas]. Rostov-on-Don: Logos, 2006. 496 p. (in Russian).

The 100 greatest Britons: lots of pop, not so much circumstance. Available at: <https://www.theguardian.com/media/2002/aug/22/britishidentityandsociety.television> (accessed 20 July 2024).

Статья принята к публикации 12.08.2024